

РИСКИ ВЗРОСЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Искусство для детей и юношества вчера и сегодня

Наталья Евгеньевна Хагурова,

преподаватель кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного университета

Взросление — это переход в устойчивое состояние взрослого. Переход этот в идеале означает готовность к исполнению базовых социальных ролей и принятию «взрослой» меры ответственности за свои поступки. При этом становление личности протекает в пространстве культуры и существующих в её рамках способов и форм коммуникации. Личность возникает в результате культурного развития, поэтому личность — понятие историческое.

• *взросление • инициация • культурные метки • культурное пространство
взросления • знаково-символическое пространство • система иерархических
отношений • синтез искусства и педагогики • базовые регуляторы поведения*

В разных культурах, на разных этапах развития существовали и существуют культурные метки, отделяющие один возраст от другого. Традиции инициации отличались по своей внешней форме и уровню жёсткости, но их общим смыслом было посвящение подростка во взрослость, утверждение полной меры его ответственности. Нарушения взросления связаны, с одной стороны, с разрушением традиций инициации, замещением её псевдоинициациями, и с другой — с искажением, деформацией культурного пространства взросления.

Насколько серьёзны эти нарушения, видно из результатов проведённого американскими социологами сравнительного исследования основных проблем, тревоживших школьных учителей в 1940 и 1988 гг. соответственно¹.

¹ Рогозянский А.Б. Хочу или надо? О свободе и дисциплине при воспитании детей. М., 2005. С. 42

1940 год: бегают по коридорам, шумят, не соблюдают очередей, одеваются не по правилам, ученики разговаривают, сорят в классах. 1988 год: беременности, самоубийства, изнасилования, ограбления, употребляют наркотики, алкоголь, избиения.

Мир детских шалостей (шумят, бегают) замещается серьёзными «взрослыми» пороками. Нормальные культурные метки взросления (инициации) замещаются акультурными: курением, демонстрацией физической силы, асоциальным поведением². Существовавшая система меток взросления и санкционированная обществом знаково-символическая реальность были утрачены, а адекватной замены не создано.

В советское время роль такой системы играли детские и юношеские политические организации. Они последовательно

² См.: Остапенко А.А. Взросление подростков: нарушения и их преодоление // Народное образование. 2012. № 5. С. 207–214.

вводили подрастающее поколение в мир взрослых, выстраивая систему повышения уровня социальной ответственности за себя, за другого, за общество, за Отечество. Каждой ступени взросления выдвигались соответствующие требования, при этом прояснялся смысл и цели взросления и исполнения предъявляемых требований. Например, успешная учёба, овладение навыками трудовой деятельности, нормы ГТО трактовались как готовность к выполнению роли ответственного гражданина своей Родины — вполне в сократовском духе.

Другое знаково-символическое пространство представлено православием. Первая метка взросления, используемая до семи лет, — именование маленького христианина младенцем. До семи лет он должен научиться владеть своими «хочу». Постепенно постигая смысл вероучения, осознать понятия жертвенности, греха, подготовиться к следующему этапу. В «младенчестве» приступая к таинству евхаристии, ребёнок не исповедуется и, как правило, не держит длительного поста. А вот после семи лет «младенец» становится «отроком». Переход несёт взрослые требования, к которым он должен быть готов и исполнять их добровольно и осознанно — «взрослый» пост и таинство исповеди.

И в том и другом случае проясняется надличностный смысл, то есть представления об идеальном, проясняется картина мира. Тем самым даются основания для определения должного и недолжного, греха и добродетели и регулируются иерархические отношения в обществе. А система иерархических отношений — один из базовых регуляторов поведения и непосредственный регулятор процесса взросления: если нет иерархии — то зачем и «куда» взрослеть? «Нормально развитое иерархическое общество не знает проблемы «непризнанных гениев», потому что всякое достижение человека оно способно адекватно поощрить. А человек понимает, что если общество пока не отметило его достижения, значит, следует ещё поработать над собой. Каждый должен уметь давать адекватную оценку себе и своим действиям»³.

³ Там же.

Как бы ни было ценно искусство само по себе, у него есть важные социальные функции. Искусство призвано способствовать совершенствованию человека, социальной жизни и человеческой практики.

На протяжении многих веков содержание и формы культуры определялись религией. Придавая жизни человека и общества смысл и цель, она пронизывала все повседневные практики и, соответственно, создавала пространство взросления. В XVIII—XIX вв. на Западе на столетие раньше, чем в России, культура в целом становится секулярной. Значение религии изменяется, она становится личным делом каждого.

В эпоху Просвещения к традиционному механизму воспитания — религиозной проповеди, житиям святых добавляется новый ресурс — светская повесть.

Культурное пространство взросления

В литературе можно выделить несколько направлений, содействующих формированию этого пространства. Одно из них — повесть, где герои — молодые люди (реже — девушки), которые попадают в необычную и *трудную жизненную ситуацию, требующую серьёзного морального выбора*. Среди отечественных писателей подобной направленности следует вспомнить Карамзина и его «Бедную Лизу», печальную историю, напоминающую молодому поколению о добродетели целомудрия. В пушкинской «Капитанской дочке» главному герою Гриневу всего шестнадцать лет. В таком молодом возрасте он оказывается в гуще исторических событий, на фоне которых ему приходится выбирать между жизнью и смертью, честью и бесчестьем, рисковать жизнью ради любимой девушки. Повествование от первого лица передаёт внутренний мир, страхи и надежды молодой души.

Среди европейских писателей нужно упомянуть Роберта Льюиса Стивенсона, хорошо известного в нашей стране. Стивенсона считают представителем приключенческого жанра. Но его произведения не только увлекательное остросюжетное чтение. Часть его героев — Джим Хоккинс («Остров сокровищ»), Дэвид Бэлфур («Похищенный», «Катриона»), Ричард Шелтон (исторический роман времён войны Алой и Белой розы «Чёрная стрела») — молодые юноши, почти подростки. Все они оказываются в ситуации нелёгких испытаний и трудного выбора. У них нет жизненного опыта, но есть чётко усвоенные представления о добре и зле, чести и достоинстве, любви и дружбе. Героям в силу обстоятельств приходится повзреть, принять на себя ответственность за чужие судьбы и жизни.

Другим направлением, вызывающим интерес у юношества и создающим образы для подражания, можно считать *историко-приключенческий жанр*: В. Скотт, А. Дюма, Ф. Купер, Б. Гарт, Д. Лондон. Эти произведения не просто расширяют исторический кругозор молодого читателя. Они рисуют «мир взрослых», где действуют сильные и самоотверженные люди. В этом мире верность дружбе, отечеству, идеалам, твёрдость перед лицом опасностей считаются нормой. Особого внимания заслуживает творчество Ж. Верна, посвятившего жизнь научной и научно-фантастической литературе для детей и юношества. Произведения Г. Уэллса ставят этические вопросы применения научных знаний.

Реализм — литература социальной направленности

Тема социальной несправедливости, угнетения, конфликта вообще близка молодёжи. Подобная литература не только ставит читателя перед проблемой социального несовершенства, но и воспитывает чувства сострадания, милосердия, обостряет чувство справедливости, чуткости к страданиям. Европейские писатели Ч. Диккенс, В. Гюго, Д. Гринвуд,

Э. Сю, американцы М. Твен, Г. Бичер-Стоу и многие другие обращались к этой проблематике. В отечественной литературе тему страданий и обездоленности детей низших классов затрагивали В.Г. Коваленко, Н.А. Некрасов, А.И. Куприн, Ф.М. Достоевский и многие другие. Н.С. Лесков обращался к теме воспитания в кадетском корпусе, взаимоотношений воспитанников и их наставников, личным примером, аскетичным образом жизни, глубокой нравственностью, преданным служением делу заслужившими любовь кадет («Кадетский монастырь»).

Культурное пространство взросления, создаваемое взрослыми, не имело приоритетной функцией развлечение и удовольствие, а заставляло задуматься, предлагало образцы для подражания, конструировало образ взрослого. Подобные традиции сохранились и усилились в советской детской литературе. После сравнительно короткого периода оголтелой борьбы с «буржуазной» культурой, выражавшейся в разрушении традиций, нападках на семью, увлечении авангардом в искусстве и педагогике, страна встала на рельсы традиционного реализма в новом, обновлённом формате. Борьба за новую культуру корнями уходит в XIX век, век мучительных поисков нового пути. Сложился слой авангардистов, выступающих за тотальную революцию не просто в мире искусства, но и в способах и методах усвоения ценностей, в образовании, в сфере социальных отношений. Переделать следовало всё: начиная со словесности и кончая отменой учебников, классно-урочной системы, да и самого учителя в его «буржуазном» понимании. Однако руководство страны в целом придерживалось более традиционных взглядов и периодически «осаживало» молодёжь.

Интересна разработанная в этот период В.Н. Шульгиным и М.В. Крупениной концепция педагогики среды, предметом которой должно было стать целостное воздействие на процессы воспитания и образования всех элементов объёмлющей

личность социальной реальности. К началу 1930-х годов окончательно сформировалась политика «формирующей» педагогики, точно знающей, что «должно получиться». Она опиралась на авторитет, дисциплину, использование уже имеющегося культурного потенциала, ослабление значимости социальных различий, ограниченную легитимацию национальных традиций⁴. Такой системный подход поддерживался, с одной стороны, системой образования, детскими организациями политической направленности и искусством, адресованным детям и юношеству, — с другой. Уже к середине 1920-х годов начинают свою деятельность журналы «Пионер» и «Костёр», популярность которых не ослабевала все советские годы. Появляется новая детская проза, поэзия, драматургия. Почти сразу же к ним добавляется кинематограф и театр. Уже в 1922 г. на совместном совещании кинематографистов и педагогической общественности ставится вопрос о создании специальных детских фильмов. Педагоги выразили озабоченность влиянием взрослых фильмов, которые дети смотрят из-за отсутствия детского репертуара. Первый фильм для детей «Красные дьяволята» вышел на экран в 1923 году. Романтика революции увлекла юного зрителя, которому близок жанр приключения, герои были его сверстниками. Открываются детские театры: в 1921 году — Московский театр для детей, в 1922 году в Петрограде начал работу ТЮЗ. Создатели театров для детей — А.В. Луначарский, С.Я. Маршак, Н.Н. Сац, А.А. Брянцев рассматривали его как одно из звеньев общей программы воспитания и как целостный художественно-педагогический механизм, «эстетическую десятилетку» для юных зрителей. Тематика и герои выбирались в соответствии с возрастом зрителей. В 1920-е годы главное действующее лицо — беспризорник, с 1930-х преобладает тематика школьной жизни. Адаптируются произведения классической драматургии. Детский театр в советском обществе рассматривался как цельная художественная и педагогическая система, которая даёт театральное образование и воспитывает чуткого, талантливого зрителя, необходимого театру⁵.

⁴ См. Андреев А.Л. Российское образование. М., 2008.

⁵ Баженова Л.М., Некрасова Л.М., Курчан Н.Н., Рубинштейн И.Б. Мирская художественная культура. СПб, 2009. С. 227–228.

Формирование будущего взрослого в искусстве советского периода

Можно выделить ряд тем, непосредственно относящихся к этой проблеме. Все они несут ярко выраженную социальную окраску, прямо или косвенно подсказывая одобряемые или порицаемые социальные роли. Одна из важнейших тем советского искусства — *тема труда*. Эта тема звучит по-особенному — труд как призвание, труд как вклад в общенародное дело, труд как подвиг. Недаром существовало звание Героя Социалистического Труда. В целом труд всегда связывался с общественной, а не с индивидуальной пользой. В искусстве для детей можно встретить тему выбора профессии, трудового подвига во время войны, общественно полезного труда:

*В печах пылала пламенем
Багровая заря.
На мостике —
Два мастера,
Как два богатыря.*

*Металл кипит и плавится,
На фронт идёт металл,
Чтоб нам с врагами справиться,
Чтоб им конец настал.*

Эти строки написаны Агнией Львовной Барто. Поэтесса, будучи в эвакуации на Урале, сама встала за токарный станок рядом с ребятами-учениками, чтобы понять трудности и заботы вчерашних школьников.

Значимой была тема *молодёжи* — *отражение и создание образа советского молодого человека*. Для детей и подростков, таким образом, создавался ориентир взросления — «а каким мне надо стать?». Надёжно, на всю жизнь запоминаются строки Самуила Яковлевича Маршака:

*Многие парни плечисты и крепки,
Многие носят футболки и кепки,
Много в столице таких же значков,
К славному подвигу каждый готов!*

У Гайдара ребята-пионеры не просто помогают старшим. Они делают это тайно, открываясь только «своим», подчас снося несправедливые обвинения в хулиганстве. Пожалуй, кульминацией повести можно считать момент, когда Тимур, позаимствовав мотоцикл брата, везёт подругу Женю на встречу с отцом — командиром Красной Армии, тем самым резко «вырастая» из своего реального возраста.

Очень сильна тема войны, военной героики, в том числе героев подростков и молодёжи. Она широко представлена А. Фадеевым, Б. Полевым, В. Катаевым, М. Шолоховым, А. Твардовским, К. Симоновым, А. Гайдаром, А. Барто и многими другими. Тесно связана с ней тема военного детства, переживания детьми трагедии войны, ожидание отца или брата с фронта, военный быт, заботы, присмотр за младшими. У Елены Благиной в пронзительно трогательных стихах отражён мир военного детства с его маленькими радостями и большим общенародным страданием. Вспомним например: «Наш отец давно в походе, третий год как на войне. Наша мама на заводе. А кому с братишкой? Мне! ...Ты вставай, вставай, вставай! Обниму тебя давай!». Маленькая женщина не просто ловко, но с любовью и нежностью справляется с ролью матери.

Отчётливо проступает изображение малой родины, как части огромного целого: «...О том, который в море уже давно в бою — воюет на линкоре за Родину свою. За наш колхоз, за речку, за вербу у плетня, за дом, за эту печку, за маму, за меня!» Исследователь литературы А. Замостьянов считает, что героическая идея Победы — объединительная культурообразующая идея России. Победы не только в Великой Отечественной, а Победы как утверждения народного единства⁶. Он же обращает внимание на значение военно-патриотических песен 1930—1970 гг. для воспитания. Отечественные песни о войне по особенному гуманны, в них нет ощущения грубой силы, презрения к врагу. В них «вкус про-

⁶ Замостьянов А. Русская героика. М., 2010. С. 218.

щального обветренного поцелуя, материнское благословение, тоска по Родине, по нежности верных подруг»⁷.

Широко развёрнута в литературе тема повседневной жизни школьников, выполнения своих обязанностей, подчас обыгранная в сказочной форме. В 1938 г. выходит «Старик Хоттабыч» Л. Лагина. Народный артист А. Джигарханян вспоминает, какой неимоверной популярностью пользовалась книга. В связи с темой повседневности можно упомянуть С. Михалкова, В. Драгунского, М. Прилежаеву, Ю. Яковлева, Е. Шварца, Л. Пантелеева и многих других.

Искусство для детей и юношества советского периода обширно и разнопланово. Не чужд ему и развлекательный компонент. Но главное в нём — не это. Синтез искусства и педагогики создавал специфическое пространство взросления, формирующее гуманистические идеалы. Возможные эффекты от предлагаемого детям были продуманы и взвешены. Может быть, поэтому привычка доверять средствам массовой информации и печатному слову и со служила нашим соотечественникам плохую службу, когда в перестроечные и постперестроечные годы на них обрушились мутные потоки «свободной» культуры?

Давайте взглянем в пространство взросления, создаваемое искусством, которое мы, взрослые, предлагаем детям в последние десятилетия.

Начнём с того, что почти всё, что предлагается детям (всех возрастов), иностранного происхождения. В последние годы, правда, появились очень неплохие отечественные мультфильмы: про Лунтика для малышей, про традиционных былинных богатырей, князя Владимира. Однако исследование А. Сверчкова и Ю. Крижанской, в котором принимали участие 3477 ребятшек 5—12 лет из 63 регионов, показало, что в качестве

⁷ Там же. С. 223.

примеров для подражания чаще всего изображается человек-паук и волшебницы Винкс⁸.

Другой момент — так называемые семейные мультфильмы. В мире рыночной экономики всё должно быть рентабельным, продукт должен заинтересовать и взрослого потребителя. Видимо, современный родитель не в силах «отсидеть» с ребёнком в кинотеатре или дома у экрана некоторое время, если его не заинтересовать. Заинтересовывают плоскими шуточками на сексуальную и даже гомосексуальную тему: «Я ношу женские стринги!» (мультфильм «Шрек»). Другая особенность — подчёркнутая сексуальная окрашенность образов. Образы кота в сапогах и киски Мягколапки (мультфильм «Кот в сапогах») — не просто милые. Оба олицетворяют мультипликационную феминность и маскулинность: они очень привлекательны для противоположного пола и широко этим пользуются, ловко обращаются с оружием, яркие индивидуалисты. Причём кошка-дама подчёркнуто лишена традиционно женских качеств: сострадательности, умения выслушать, ободрить. Когда сентиментальный кот-мачо изливает перед ней душу, она моментально засыпает. Да и история любви троллей Шрека и Фионы, по сути дела, перевернутая до наоборот в традициях постмодерна история про Красавицу и Чудовище. В традиционной сказке в её разных вариантах любовь в сочетании с жертвой превращали Чудовище (мужского пола) в прекрасного принца. Любовь становилась возможной потому, что озлобленное Чудовище менялось, переставало рычать и угрожать, то есть становилось человеком внутренне. Оставалось только вернуть сам облик. Теперь давайте представим, что например, в сказке «Аленький цветочек» не Чудовище становится прекрасным королевичем, а в финале под звуки «музыки согласной» молодая дочь купеческая обрастает шерстью, встаёт на четвереньки и радостно бежит вместе с любимым в кусты.

В дни школьных каникул телеканалы уже каждый год предлагают школьникам следующие фильмы: «старый добрый» «Гарри Поттер», «Шрек», «Один дома». Ну, и конечно, «Гостя из будущего», щедро сдобренная рекламой детской косметики и игрушек-трансформеров.

⁸ Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: мир без будущего // Суть времени. Общероссийская политическая газета. 2012. № 2. С. 8–9.

Только верят ли современные дети в то будущее, которое показано в этом фильме? В будущее, где по настоящему злыми остаются только немногие космические пираты, где можно выбрать интересную и полезную профессию (например в Институте времени), где инопланетяне бродят по московским музеям, а не уничтожают местное население, где все бесплатно и при этом всем хватает, потому что никто не берёт лишнего. Возможно, подросткам, вскормленным на фантастических боевиках и уникальных возможностях (в основном боевых) героев, подобный гуманистический идеальный мир покажется скучным и менее реальным, чем семья вампиров, мирно живущая в американской провинции («Сумерки»).

Кинематограф всё чаще эксплуатирует жанр фэнтези. Герои живут в особом мире, обладают необычными возможностями, владеют могущественными артефактами. Конечно, красивая сказка, к тому же снабжённая спецэффектами, не может не привлекать. И герои, как и положено, борются со злом. Но здесь есть «подводные камни». Вымышленный мир намного интереснее настоящего. Эффект приобщения к вымышленному миру возрастает, если фильм состоит из многих частей. Мир обычных людей и их повседневные обязанности представлены невероятно пустыми и скучными. Например, приёмная семья Гарри Поттера — люди, у которых не найти ни одного положительного качества. В фильме «Сумерки» для героини, кажется, самое тоскливое — ходить в школу. Гораздо интереснее встречаться с вечно юным вампиром, который к тому же эволюционировал и не пьёт человеческую кровь.

В культурном пространстве взросления отсутствуют воспитательные репрезентации нормальной обыденной подростковой повседневности. В особенно сложный период взросления подростки остаются без поддержки искусства. Учитывая сложности взаимоотношений со взрослыми, часто сопровождающие этот

период, ориентированное на подростковую аудиторию искусство могло бы стать не только проводником ценностей и норм, но и выполнять роль анонимной подсказки в ситуациях конфликта, влюблённости и других волнующих ребят проблем.

Похожая ситуация складывается и в литературе. При общем развитии средств передачи информации — доступность прекрасно оформленных изданий, Интернета, библиотеки дети читают очень мало. По данным исследований, проведённым учёными Института социологии РАН в Краснодарском крае, среди краснодарских школьников почти половина детей (44,4%) просто не читают. 21% указывали в ответах персонажей русской классики — спасибо школьной программе. Ещё 11% указали сказочных, детских персонажей — это эпатаж, стремление скрыть тот факт, что большинство из них не читает. Таким образом, школа приобщает к литературе (в рамках школьной программы) примерно пятую часть школьников. Самостоятельно читают около 13% — те, кто указал современную западную и отечественную литературу. Жанры, преимущественно — детективы и фантастика⁹.

Что касается литературы внешкольной, то здесь обнаруживается тот же самый вакуум современной героини и перекос в сторону фэнтези, «страшилок», «книжечек» про юных ведьм, волшебниц, волшебников и вампиров.

Как ни странно, но мир молодёжных и подростковых интересов и проблем отражён православно ориентированными писателями. Например, героини трилогии «Юлианна» Ю. Вознесенской современные девочки-подростки и их друзья. Захватывающий динамичный сюжет сочетается с постановкой и разъяснением с точки зрения христианских ценностей вопросов отношений с родителями, дружбы, самоограничения, эгоизма, отношения к деньгам, богатству и бедности, учёбы и свободного времени, внешнего вида, модного увлечения оккультизмом. Есть и произведения для молодёжи старшего возраста: «Кассандра или приключения с макаронами», «Мои посмертные приключе-

⁹ Хагуров Т.А. Учащаяся молодёжь в кризисном обществе // СоцИс. 2010. № 11.

ния», наряду с вопросами о Боге затрагивающие тему отношений полов, смысла брака, отношений с близкими, виртуальной реальности. Можно назвать и других православных авторов, пишущих для детей и юношества: И. Ковальчук, Н. Блохин, протоиерей А. Торик. Но эти книги реализуются в основном через сеть книжных магазинов при храмах и неизвестны широкому кругу читателей. Да и ориентированы они всё-таки на православного читателя или хотя бы «сочувствующего».

В последние годы стало привычным обсуждать проблемы современной молодёжи, анализировать под разными углами её многочисленные девиации. Между тем даже беглый и поверхностный анализ современного искусства для детей позволяет заключить: основная его функция — развлечение. Причём развлекают наших детей персонажи — носители чуждой нам культуры. Та же Ю. Крижанская, приводя результаты всероссийского исследования 2,5 тыс детских рисунков, пишет¹⁰, что по итогам рисования любимых героев первое место занял Человек-паук, второе — феи Винкс из одноимённого мультфильма, третье — Губка Боб-квадратные штаны... Затем были робот, Рапунцель, Ариэль.

Герои русских сказок существуют в сознании современных детей лишь благодаря мультфильмам студии «Мельница», да и то их упоминаемость держится на уровне статистической ошибки (менее 5%). А ведь завтра эти дети вырастут, и какие сказки они будут рассказывать своим детям? Задумываясь над этим, становится понятно, как много мы (а главное — наши дети!) потеряли. Сумеем ли мы вернуть воспитывающее искусство для детей или уже окончательно поздно — вот вопрос, который будет определять, чего нам предстоит строить больше в XXI веке: центров детского творчества или спецшкол для девиантных подростков. **НО**

¹⁰ Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: беспризорики в нашем доме // Суть времени. Общероссийская политическая газета. 2012. № 3. С. 8–9.